

ПРОБЛЕМА НАСИЛИЯ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ И МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ*

Н.П. Рагозин

Донецкий национальный технический университет, г. Донецк, ДНР
e-mail: nragozin@inbox.ru

В статье раскрывается социальная природа насилия как формы общественных отношений классово-антагонистического общества, при которых общественные производительные силы используются для защиты господствующими классами своего привилегированного положения в обществе. Этика ненасилия рассматривается как форма морального протеста против существующего в обществе насилия. Анализируется проблема действенности такого морального протеста.

Ключевые слова: социальная сила, насилие, формы насилия, этика ненасилия, моральный прогресс.

Проблему насилия мы рассмотрим в двух аспектах: насилие как явление социальной жизни и его отображение в моральном сознании. Нам такой подход представляется оправданным, поскольку без выяснения природы и причин насилия переходить сразу же к его моральной рефлексии, в особенности, когда эта рефлексия имеет оценочный характер, значит вступать на путь морализаторства, лишённого объективных критериев.

Слово «насилие» в русском языке, как и в романо-германских языках, относится к группе слов в семантически-смысловом отношении связанных с понятием «сила»¹. Это явление не случайно. В языке отложился опыт исторической жизни человека, зафиксировавший объективную логику мира.

В логико-гносеологическом смысле понятие «сила», как показал Гегель в «Науке логики», передает динамику взаимодействия явлений сферы наличного бытия, в котором изменение состояния одного явления (действие) вызывает изменения (противодействие) другого с ним связанного явления. Сила выступает мерой взаимодействия и взаимообусловленности явлений, в котором различия явлений, положенные первоначально внешней рефлексией субъективного сознания,

---

* Статья подготовлена на основе доклада, прочитанного в рамках международной научно-теоретической конференции «Война и мир, насилие и ненасилие в русской литературе и философии. К 190-летию со дня рождения Л.Н. Толстого» (г. Белгород, 27-30 июня 2018 года).

¹ Так, В. Даль слово «насилие» истолковывает как «принуждение, неволя, нужда, силованье, действие стеснительное, обидное, незаконное и своевольное» и производит его от глаголов «силить», «силиться» в значении «усиливаться, напрягать все силы». У немецкого «Gewalt» (насилие, власть, сила) в качестве синонимов могут использоваться слова «Kraft» (сила), «Potenz» (потенция), «Macht» (мощь, власть). Во французском и английском языках насилие обозначается словом «violence», которое также употребляется в значении «сила». Violence заимствовано из латыни, где «violentia» обозначает «1) склонность к насилию; злобность; жестокость; дикость; 2) необузданность; свирепость; неистовство, буйство» и происходит, как отмечает И.Х. Дворецкий от глагола violo – «1) совершать насилие, причинять вред, притеснять, обижать; 2) истязать; избивать; 3) поражать, ранить». См.: Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. Около 50 000 слов. Изд. 2-е, переработ. и доп. М., 1976. С. 1082.

постепенно обнаруживают свое единство в целом предмета и ведут нас к постижению его сущности. Понятие «сила» выражает наличие в предмете внутренней мощи, потенции, импульса к движению, самоизменению и развитию.

В обыденном сознании наличие силы вещей и обстоятельств того мира, в котором мы живем, воспринимается как то, что противодействует нашим действиям, заставляя считаться со своим объективным порядком и ходом вещей. Обыденное сознание, фиксируя непосредственный опыт повседневной жизни, вместе с тем не вдаётся в анализ сущности организации общественной жизни, и потому, наряду с существенными, фиксирует и несущественные явления, вследствие чего дает достаточно спутанный образ сути предмета.

Сила, которая препятствует осуществлению наших действий и планов, в обыденном сознании связывается с действиями других людей, движимых злой волей. Применительно к обсуждаемой нами проблеме насилия это приводит к тому, что насилие представляется результатом непосредственного взаимодействия людей. Недалеко от абстракций обыденного сознания уходят абстракции сознания теоретического, которое фиксирует поверхностную сторону явлений. В рамках такого сознания рождается, например, следующая дефиниция насилия: «НАСИЛИЕ (букв. – делание чего-либо через силу, принуждение силой) – общественное отношение, в ходе которого одни индивиды (группы людей) с помощью внешнего принуждения, представляющего угрозу жизни вплоть до её разрушения, подчиняют себе других, их способности, производительные силы, собственность...»². Данное определение рождает больше вопросов, чем даёт ответов. Остается неясным, какова же природа общественного отношения, в рамках которого «индивиды» или «группы людей» (что их объединяет в группы?) прибегают к «внешнему принуждению» и подчиняют себе других людей? Откуда берётся их сила? Почему они её применяют с такой жестокостью?

Приведённое определение насилия носит абстрактный и внеисторический характер. В процитированной нами статье для энциклопедического словаря, её автор, академик РАН А.А. Гусейнов, известный специалист по этике, далее своё понимание насилия формулирует таким образом: «Насилие можно определить как право сильного, возведение силы в закон человеческих отношений, ему нет места ни в природе, ни в пространстве человечности, разумного поведения; оно находится между ними, представляя собой способ выхода из естественного состояния или обратного провала в такое состояние. Насилие соединяет две природы человека, что определяет как его фундаментальное значение в структуре человеческого бытия, так и амбивалентный характер»³. Надо понимать, что «две природы человека» означает, что человек – это наполовину зверь, а наполовину ангел. И эти две половинки борются между собой. «Ангельская» натура тянет в «пространство человечности», а «зверская» – в природу, в «естественное состояние».

Насилие рассматривается А.А. Гусейновым как особый вид принуждения, который располагается на такой шкале: «От других форм общественного принуждения насилие отличается тем, что доходит до пределов жестокости, характерной для природной борьбы за существование, от природной агрессивности – тем, что апеллирует к понятиям блага, справедливости»⁴. Под другими формами общественного принуждения А.А. Гусейнов понимает патернализм и правовое

² Гусейнов А.А. Насилие // Этика: Энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. М., 2001. С. 303.

³ Там же.

⁴ Там же.

принуждение. Эти формы принуждения считаются легитимными, поскольку, во-первых, «на них получено (или могло бы быть получено) согласие тех, против кого оно направлено», и, во-вторых; «это – частичное насилие, полунасилие, часто косвенное насилие, так как оно исключает крайние способы воздействия (разрушение жизни или угрозу такого разрушения)». В отличие от этих форм принуждения, насилие «в собственном смысле слова есть действие, на которое в принципе не может быть получено согласие тех, против кого оно направлено, ибо не считается с их целями, правами, интересами», и кроме этого отличается особой брутальностью («доходит до пределов жестокости») форм проявления и при этом ищет себе моральные оправдания. Думается, что проводимые различия между оправданным принуждением и насилием, которое не имеет оправданий, носят достаточно зыбкий характер.

Вряд ли правовое принуждение всегда имеет под собой согласие тех, на кого оно направлено, а если вспомнить, что государство с помощью правового принуждения может отправить человека на войну, лишить на длительный срок свободы, а то и жизни, то вера в гуманизм государственного принуждения начинает блекнуть. С другой стороны, современные средства информации и массовой коммуникации позволяют господствующему классу осуществлять над людьми такое, по классификации А.А. Гусейнова, «полунасилие» или «косвенное насилие», которое напрочь лишает их способности сопротивляться всякому насилию, а, значит, и избавляет от необходимости прибегать к брутальным формам насилия.

Но вернёмся к началу наших размышлений. Мы отмечали, что слово насилие имеет общие корни со словом сила. В рассмотренном нами определении понятие «насилия» также присутствует эта связь, но понятие «силы» («возведение силы в закон человеческих отношений»), не проясняется. В истории общественной мысли были разные попытки объяснить природу той силы, с которой сталкивается человек и которая способна перечеркнуть его благие намерения и планы, разрушить его жизненный уклад, а то и саму жизнь. Эту силу именовали в античном мире *судьба*, *фатум*, которым подчинялись даже боги. Эту силу объясняли борьбой Ормузда и Аримана, которая сотрясала всё мироздание и втягивала в свой водоворот людей. В этой силе видели действие недоступного человеческому уму божественного Провидения, которое ведёт человеческий род через испытания, дабы в конце времён отделить «козлиц от агнцев» и даровать «агнцам» жизнь без страданий, нужды и насилия. Эту силу рассматривали как действие в истории мирового духа, который людей как слепых котят тащит к достижению своей конечной цели – осознанию своей свободы. Можно и далее умножать примеры философских и религиозных попыток понять природу общественной силы как скрытой пружины человеческой истории. Но основы *научного понимания* природы общественной силы были заложены в рамках материалистического понимания истории.

В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс в противоположность идеалистическому пониманию социальной силы выдвинули материалистическое понимание этого явления. Они писали: «Социальная сила, т.е. умноженная производительная сила, возникающая благодаря обусловленной разделением труда совместной деятельности различных индивидов, – эта социальная сила, вследствие того, что сама совместная деятельность возникает не добровольно, а стихийно, представляется данным индивидам не как их собственная объединённая сила, а как некая чуждая, вне их стоящая власть, о происхождении и тенденциях развития которой они ничего не знают; они, следовательно, уже не могут господствовать над этой силой, – напротив, последняя проходит теперь ряд фаз и ступеней развития, не

только не зависящих от воли и поведения людей, а наоборот, направляющих эту волю и это поведение»⁵.

Здесь впервые даётся рациональное объяснение социальной силы. Это – общественная производительная сила, возникающая «благодаря обусловленной разделением труда совместной деятельности различных индивидов», которая возникает стихийно, а потому находится вне контроля людей, и начинает развиваться в соответствии с собственными закономерностями, которые не только не зависят от воли и поведения людей, а, напротив, направляют эту волю и поведение⁶. Социальная сила образует основу насилия, но сама по себе насилием не является. Социальная сила становится насилием, когда вырывается из-под сознательного общественного контроля, начинает использоваться частью общества (тем или иным классом) в своих своекорыстных интересах для установления своего господства (или доминирования) в обществе, для подавления выступлений других классов, не довольных своим положением в обществе. Понимание природы насилия достаточно обстоятельно изложено Марксом и Энгельсом в «Немецкой идеологии», и в тех главах «Анти-Дюринга», в которых Ф. Энгельс даёт критику «теории насилия» Е. Дюринга⁷ а также в целом ряде работ, в которых разрабатывается их политическая теория.

В нашу задачу не входит изложение марксистской теории насилия⁸, но мы хотели бы подчеркнуть ряд моментов их системы взглядов, которые важны для морально-этического понимания и оценки насилия. Во-первых, насилие суть общественное отношение, которое возникает на том этапе общественного развития, когда появляется развитое разделение труда (отделение умственного труда от физического, управленческого от исполнительского), начинает разлагаться общинная собственность, из которой выделяются различные виды частной и индивидуальной собственности и формируются группы людей (касты, сословия, классы), которые различаются своим отношением к формам собственности, местом в общественном

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-ое изд. Т. 3. М., 1955. С. 33.

⁶ Критически дистанцируясь от немецкой философии, Маркс и Энгельс, тем не менее, указывают, что на языке философии суть этой силы может быть выражена понятием «отчуждение». В «Немецкой идеологии», Маркс и Энгельс сразу после приведённой нами характеристики социальной силы пишут: «Это «отчуждение», говоря понятным для философа языком...» [3, с. 33]. В другом месте, характеризуя условия преодоления этой силы, Маркс и Энгельс пишут: «В предшествующей истории является, безусловно, эмпирическим фактом также и то обстоятельство, что отдельные индивиды, по мере расширения их деятельности до всемирно-исторической деятельности, всё более подпадали под власть чуждой им силы (в этом гнёте они усматривали козни так называемого мирового духа и т. д.), – под власть силы, которая становится всё более массовой и в конечном счёте проявляется как *мировой рынок*. Но столь же эмпирически обосновано и то, что эта столь таинственная для немецких теоретиков сила уничтожится благодаря ниспровержению существующего общественного строя коммунистической революцией (о чём ниже) и благодаря тождественному с этой революцией уничтожению частной собственности; при этом освобождение каждого отдельного индивида совершится в той же самой мере, в какой история полностью превратится во всемирную историю». См.: Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. М., 1955. С. 36. Но своё понимание природы социальной силы Маркс и Энгельс предпочитали излагать на языке собственной теории, а не с помощью понятий немецкой спекулятивной философии.

⁷ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. М., 1955. С. 5-343.

⁸ Статья «Насилие» в «Философской энциклопедии» даёт хорошее изложение марксистского понимания природы этого явления. Некоторым недостатком статьи, на наш взгляд, является то, что подробный анализ *политического* насилия, отодвинул на задний план освещение понимания классиками *экономического, социального и идеологического* насилия. А для современного мира эти формы и инструменты насилия приобретают порой даже большее значение, чем собственно политическое или вооруженное насилие.

разделении труда, долей потребляемого общественного продукта. Во-вторых, насилие институционализируется, приобретает различные общественные формы – экономическую (частная собственность и разные способы принуждения к труду эксплуатация), социальную (различные формы социальной сегрегации и дискриминации), политическую (различные формы политической власти и инструменты физического подавления, монополией на применение которых обладает государство), духовную (различные формы духовной монополии, цензуры, идеологического контроля и манипулирования)⁹. В-третьих, насилие, будучи производным от уровня развития общественных производительных сил, развивающихся в рамках определённых общественных отношений, в истории играет амбивалентную роль. Насилие реакционно, когда оно служит сохранению отживших форм общественных отношений и своекорыстным интересам сходящих с исторической арены классов, когда оно ограничивает и деформирует развитие общественных производительных сил, подавляет создание более свободных общественных форм и историческое творчество широких слоёв общества. Вместе с тем, революционное насилие, ломающее устаревшие формы общественных отношений, способствующее развитию производительных сил общества, рождению новых более свободных форм общественных отношений, является, по словам Маркса, «повивальной бабкой истории», облегчает муки родов нового общества, – такое насилие прогрессивно. В революционном насилии, когда его сводят исключительно к борьбе классов с применением вооруженного насилия, видят *разрушительную силу*, но в марксизме эпоха революций рассматривается не только как *революции политические*, но и как *революции социальные*. Социальные революции – это период перестройки общественных отношений, они создают дополнительный импульс в развитии как материальных, так и духовных производительных сил общества. Поэтому в марксизме революция рассматривается также и как *сила созидательная*.

После краткого экскурса в социально-философское понимание насилия можно перейти к вопросу о его моральной оценке. Этот аспект проблемы в наших палестинах особенно актуализировался с начала 90-х годов прошлого столетия, когда ряд философов во главе с А.А. Гусейновым начали разрабатывать этику ненасилия. Причём, что немаловажно, эти разработки были простимулированы небезызвестным фондом Сороса. Конечно, не Дж. Сорос является апостолом ненасилия. У этики ненасилия есть великие предшественники – Лев Толстой, Махатма Ганди, Мартин Лютер Кинг.

---

⁹ С. Жижек выделяет наряду с субъективным насилием, рождающимся в непосредственных отношениях людей, объективное насилие, насилие самой социально-экономической и политической системы современного классового общества. А венчает эту конструкцию «символическое насилие», табуированный дискурс политкорректности, который прикрывает лицемерной фразой неприглядную действительность социального неравенства, эксплуатации, и духовного подавления человека. В связи с этим С. Жижек вполне правомерно задаётся такими вопросами: «Противодействие всем формам насилия – от прямого физического (массовые убийства, террор) до идеологического (расизм, речь-ненависть, половая дискриминация), – кажется, составляет главную заботу толерантного либерального подхода, господствующего сегодня. Сигнал *SOS* поддерживает подобные разговоры, заглушая все остальные подходы: всё прочее может и должно подождать... Нет ли чего-то подозрительного, даже симптоматичного в такой озабоченности субъективным насилием – насилием, которое совершается социальными агентами, злыми людьми, дисциплинированными репрессивными аппаратами, фанатичными толпами? Нет ли здесь отчаянной попытки отвлечь наше внимание от истинного источника проблем, убирая из поля зрения другие формы насилия и тем самым активно участвуя в них?». См.: Жижек С. О насилии. М., 2010. С. 13.

История развития морального сознания показывает, что оно двигалось по пути ограничения и исключения насилия из числа допустимых средств общения и форм человеческого общежития. Р.Г. Апресян, исследуя этот вопрос, отмечал, что уже правило талиона указывало на границы применения насилия как средства возмездия за совершённое преступление и причинённый ущерб. Впоследствии это правило было дополнено рекомендацией воздавать добром за добро, что в совокупности привело к «золотому правилу морали» – «*как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними*»¹⁰. В учении Христа мы встречаем радикальное отрицание насилия как зла и формулу принципа непротивления злу насилием. Но столь радикальное неприятие насилия у Христа связано с эсхатологической перспективой окончательного божественного суда («Мне отмщение, Аз воздам»), которое было скорректировано христианской церковью, когда она стала государственной, в сторону признания некоторых форм справедливого насилия как допустимого средства борьбы со злом. Таким образом, даже в христианстве проблема насилия стала переноситься с неба на землю.

Этика ненасилия А.А. Гусейнова носит светский характер и опирается на рациональные аргументы¹¹. В качестве одного из мотивов создания этики ненасилия А.А. Гусейнов указывает на гигантский рост масштабов насилия в современном обществе и совершенно немыслимую прежде, а ныне реально существующую возможность злой воли отдельного человека погубить всё человечество¹². Но именно эти обстоятельства указывают на необходимость кардинального переустройства общественных отношений, установление сознательного контроля общества над производительными силами, которые превращаются в силы разрушения, когда они становятся инструментами защиты эгоистических интересов определённых классов общества. Победить насилие можно только уничтожив его основы. Это подтверждает в том числе и история борьбы с насилием М. Ганди и М.-Л. Кинга. Отдавая должное мужеству и благородству этих выдающихся людей, всё же отметим, что их борьба концентрировалась на определённом виде насилия (колониальном – у Ганди, расовом – у М.-Л. Кинга) и при наличии побед, всё же не смогла положить конец другим видам насилия, да и сами колониализм с расизмом продолжают существовать в современном мире.

Как мы уже упоминали выше, определение насилия у А.А. Гусейнова имеет абстрактный характер. Это связано с тем, что вопреки его собственному признанию насилия свойством общественных отношений, он рассматривает его как свойство *межиндивидуальных отношений*. «Понятие насилия не имеет чётко обозначенных и общепризнанных границ применения. Поэтому..., – заявляет А.А. Гусейнов, – я буду рассматривать его с этической точки зрения, а именно в той мере, в какой оно является предметом индивидуально ответственного поведения и может быть вменено в вину тому, кто его совершает»¹³. Если социально-историческую проблему мы начнём рассматривать с позиций абстрактных индивидов, то не только сама

¹⁰ Апресян Р.Г. «Мне отмщение, Аз воздам». О нормативных контекстах и ассоциациях заповедей «Не противься злему» // Этическая мысль. Выпуск 7. М., 2006. С. 64.

¹¹ См.: Гусейнов А.А. Этика ненасилия // Вопросы философии, 1992. № 3. С. 72-81; Гусейнов А.А. Понятия насилия и ненасилия // Вопросы философии, 1994. № 4. С. 35-41; Гусейнов А.А. Возможно ли моральное обоснование насилия? // Вопросы философии, 2004. № 3. С. 19-28; Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика: Учебник. М., 2000; и др.

¹² Гусейнов А.А. Понятия насилия и ненасилия // Вопросы философии, 1994. № 4. С. 40.

¹³ Гусейнов А.А. Возможно ли моральное обоснование насилия? // Вопросы философии, 2004. № 3. С. 19.

моральная оценка проблемы, но и моральная оценка самих индивидов утрачивает определённую ясность. Что собственно и происходит у А.А. Гусейнова, который считает, что в каждом из нас добро смешано со злом и потому никто не имеет права определять, *что* есть добро и *что* есть зло¹⁴. Но если индивиды не способны отличить добра от зла, то как они могут быть морально ответственными за свои поступки? Это внутреннее противоречие исходного пункта абстрактно-индивидуалистической моральной теории включает в себя также и противоречие позиции самого теоретика морали. Мы вправе задать вопрос: а кто наделил «теоретика морали» способностью и правом различать добро и зло? Когда А.А. Гусейнов в докторской диссертации обосновывал социальную природу нравственности, его теоретическая позиция была свободна от этих внутренних противоречий: «Объективные законы общественного развития определяют границы и внутреннее содержание нравственной деятельности. Отсюда – признание коренных интересов общества (класса) в качестве масштаба нравственного действия, существенного содержания морального долженствования»¹⁵.

Абстрактно трактуемые ненасильственные действия имеют свойство превращаться в свою собственную противоположность. Убедительной демонстрацией такой возможности является та трансформация, которую претерпела программа ненасильственных действий Дж. Шарпа, который был представлен российской публике как один из видных современных теоретиков ненасилия¹⁶. С тех пор мы имели возможность убедиться, что его программа ненасильственных действий успешно использовалась для организации «цветных революций», насилующих волю и интересы большинства граждан многих стран, которые становились полем приложения этих технологий.

Теория ненасилия А.А. Гусейнова включает в себя такую классификацию практических форм отношения к насилию: покорность, ответное насилие, ненасильственное сопротивление. Моральная оценка этих форм такова: покорность – «малодушие», «трусость», потворствование злу; ответное насилие – «вызов насилию», активное неприятие и борьба с ним; ненасильственное сопротивление – «преодоление насилия», постнасильственная форма борьбы, лишаящая насилие основ его возникновения. И тут же в характеристику ненасильственных методов борьбы контрабандой вводится такое определение – «преодоление ситуации несправедливости»¹⁷. Но если насилие возникает в межличностных отношениях, то откуда мы берём критерии для определения их как справедливых или несправедливых? Это ещё одно свидетельство теоретической непоследовательности этики ненасилия.

Иной вариант этики ненасилия, который эту категорию соотносит не с категорией добра, а с категорией справедливости, предложил Р.Г. Апресян.

¹⁴ Гусейнов А.А. Понятия насилия и ненасилия // Вопросы философии, 1994. № 4. С. 38.

¹⁵ В другом месте А.А. Гусейнов даёт более развёрнутую формулировку этой мысли: «Во-первых, сущность и специфика морали могут быть поняты только на основе анализа, реально действующих в истории личностей, их многообразных социальных связей. Нравственная сущность человека – это не абстрактное свойство отдельного индивида, она есть исторически определённая характеристика общественных отношений. Во-вторых, содержание нравственности и границы моральных возможностей человека задаются объективными потребностями общественного развития. Будучи своеобразным выражением этих потребностей, нравственное сознание ориентирует реальную жизнедеятельность людей в направлении коренных общественных интересов. В-третьих, рассмотрение социальной природы нравственности должно быть доведено до утверждения коммунистической морали». См.: Гусейнов А.А. Социальная природа нравственности. М., 1974. С. 17.

¹⁶ Ненасилие: философия, этика, политика / Отв. ред. А.А. Гусейнов. М., 1993.

¹⁷ Гусейнов А.А. Понятия насилия и ненасилия // Вопросы философии, 1994. № 4. С. 39.

«Противостоять насилию – моральная обязанность человека. Это обязанность справедливости. Один из смыслов справедливости – в установлении предела индивидуальному произволу. Принцип справедливости направлен против эгоистических мотивов и призван удержать человека от причинения другому вреда, страдания. Принцип справедливости требует уважать права другого человека и, значит, не посягать на чужую личность и её собственность. Посягательство на личность заключается в нанесении ей вреда, не только материального, но и морального – причинением огорчения и необоснованного беспокойства, выражением подозрения, нанесением оскорбления или клеветой»¹⁸. Таким образом, Апресян, сохраняя отрицательную моральную оценку насилия, и признавая противостояние ему моральной обязанностью человека, вместе с тем, допускает морально оправданное использование силы против насилия: «Сила не должна применяться инициативно, но в действиях, направленных против насилия и агрессии при неэффективности несиловых методов допустимо и необходимо применение силовых методов»¹⁹. Тем самым, насилие оправдывается правилом талиона²⁰. Но справедливость талиона – это *воздающая* справедливость, она восстанавливает нарушенное право, восстанавливает status quo, но не способна искоренить насилие в обществе.

Анализ этических теорий ненасилия показывает, что проблема насилия и ненасилия не может быть решена одними лишь средствами моральных категорий. Автономия морали имеет смысл в противопоставлении гетерономной религиозной морали. Но если моральные категории освобождаются от общественно-исторического содержания, то они неизбежно становятся формальными, из них уходит всё богатство конкретных общественных отношений и противоречий, а вместе с ним уходит и возможность постановки и разрешения реальных, назревших исторически проблем.

Список литературы

1. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. Около 50 000 слов. Изд. 2-е, переработ. и доп. – М.: «Русский язык», 1976. – 1096 с.
2. Гусейнов А.А. Насилие / Этика: Энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. – М.: Гардарики, 2001. – 671 с.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-ое изд. – Т. 3. – М., 1955.
4. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-ое изд. – Т. 20. – М., 1955. – с. 5-343.
5. Жижек Славой. О насилии. – М.: Издательство «Европа», 2010. – 184 с.
6. Апресян Р.Г. «Мне отмщение, Аз воздам». О нормативных контекстах и ассоциациях заповеди «Не противься злему» // Этическая мысль. – Выпуск 7. – М., 2006. – С. 62-83.
7. Гусейнов А.А. Этика ненасилия // Вопросы философии, 1992. – № 3. – С. 72-81.
8. Гусейнов А.А. Понятия насилия и ненасилия // Вопросы философии, 1994. – № 4. – С. 35-41.
9. Гусейнов А.А. Возможно ли моральное обоснование насилия? // Вопросы философии. – 2004. – № 3. – С. 19-28.
10. Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика: Учебник. – М.: Гардарики, 2000. – 472 с.
11. Гусейнов А.А. Социальная природа нравственности. – М.: МГУ, 1974. – 158 с.
12. Ненасилие: философия, этика, политика / Отв. ред. А.А. Гусейнов. – М.: Наука, 1993. – 188 с.
13. Апресян Р.Г. Этика силы – в противостоянии агрессии и насилию // Вопросы философии. – М., 2010. – №2. – С. 143-153.

¹⁸ Апресян Р.Г. Этика силы – в противостоянии агрессии и насилию // Вопросы философии. М., 2010, №2. С. 144.

¹⁹ Там же, с. 143.

²⁰ Там же, с. 151.

THE PROBLEM OF VIOLENCE: SOCIAL, PHILOSOPHIC, MORAL AND ETHICS ASPECTS

N.P. Ragozin

Donetsk National Technical University (Donetsk, Donetsk People's Republic)
e-mail: nragozin@inbox.ru

The article reveals the social nature of violence as a form of social relations in class antagonistic society. In such case, social production forces are used by ruling classes for protecting their privileged social status. Ethics of nonviolence is studied as a form of moral protest against violence in society. The article analyses the problem of effectiveness of such moral protest.

Keywords: social power, violence, forms of violence, nonviolence ethics, moral progress.
